

Праздники Рождества и Нового года в проекции календарной обрядности второй половины XX — начала XXI в.: традиции и новации (по материалам Алтайского края)

Лариса Александровна Явнова

(Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина:
Российская Федерация, 659333, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, д. 53)

Аннотация. Статья посвящена традиционным и современным аспектам праздников Рождества и Нового года в проекции календарной обрядности. Календарные обряды до наших дней сохранили множество древнейших элементов на всех уровнях действия обряда: вербальном, предметном.

В статье предпринята попытка сравнительного семантического анализа обычаев рождественского цикла и обрядов Нового года во второй половине XX в. и обрядовых практик в начале XXI в. преимущественно у потомков русских старожилов и переселенцев Алтая. Посредством сравнительного анализа интервью разных поколений русских Алтая особое внимание уделяется сюжетам и персонажам советской мифологии, в частности Деду Морозу. Прослеживается соотношение традиции и основы нового прочтения ритуальных атрибутов, воплощенных в игровых визуально-пространственных текстах — обрядах и обычаях Святков, святочных ряжений.

Использование полевых материалов, собранных в селах Алтайского края и г. Бийске, материалов периодической печати и историко-сравнительный анализ позволили выявить степень адаптивности традиционных обрядовых практик в контексте советской мифологии и охарактеризовать новые элементы в начале XXI в.

Дальнейшее изучение семантического уровня праздников зимнего цикла позволит выявить культурные взаимосвязи, общие тенденции и локальные этнокультурные проявления традиций Рождества и Нового года у разных этнических групп Алтайского края, даст возможности систематизировать праздничный цикл во всем объеме.

Ключевые слова: праздник, праздничная культура, календарные обряды и обычаи, Рождество и Новый год, Алтайский край, традиции, новации.

Дата поступления статьи: 11 сентября 2023 г.

Дата публикации: 25 ноября 2023 г.

Для цитирования: Явнова Л. А. Праздники Рождества и Нового года в проекции календарной обрядности второй половины XX — начала XXI в.: традиции и новации (по материалам Алтайского края) // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 60–72.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.005>

Праздники, связанные с годичной повторяемостью хозяйственной деятельности и ее календарной приуроченностью, принято называть календарными. Празд-

ничная культура характеризуется высокой степенью синкретизма, проявляющегося в разновременности обрядовых элементов, разнообразии форм, символов и смыслов.

Праздники Рождества и Нового года в контексте календарной праздничной культуры Алтайского края представляют собой соединение нескольких пластов российской культуры. Воспроизведение, ориентированное на канон, контролируемое обществом с точки зрения допустимых новаций, есть проявление традиции. Итак, рассматривая взаимодействие традиции и новации в контексте понимания их соотношения в рамках такого явления, как праздники рождественского цикла и Нового года в проекции календарной обрядности, представляется важным.

Амбивалентность праздника проявляется в его функциях сохранения традиций и одновременно во введении новшеств, обновления и подтверждения жизненных ценностей. В этом отношении важны выводы А. Ф. Некрыловой о том, что праздник детерминирован временным пространством, с другой стороны — вне времени — проигрывается и предыдущий опыт, и настоящее, и будущее, демонстрируется связь с поколениями (прошлыми и будущими) [Шангина, Некрылова 2015, 462].

Вопросу традиционной праздничной культуры в целом посвящено значительное количество работ, имеющих важное теоретическое значение, в частности, исследования М. М. Бахтина [Бахтин 1965], Э. С. Маркаряна [Маркарян 1983, 80], К. Жигульского [1983], К. В. Чистова [Чистов 1986], А. К. Байбурина [Байбурин 1993], Н. И. Толстого [Толстой 1995], Л. Н. Виноградовой [Виноградова 2000]. Во второй половине XX в. очевиден интерес исследователей к изучению зимней календарной обрядности и пониманию святочного ряженья в русской традиционной культуре. Одни ученые, рассматривая ряжение в зимней календарной обрядности, связывали его с магией продуцирующего типа, другие — с культом предков. Рассматривая святочный обряд, автор большое внимание уделяет зооморфным и антропоморфным маскам, упоминая при этом, что в Святки рядились козой, курицей [Чичеров 1957, 157]. По концепции В. Я. Проппа, сравнительный анализ праздников этого цикла выявляет одинаковые структурные звенья, которые «иногда различно оформлены, а иногда и просто тождественны» [Пропп 1963, 110]. В отличие от предыдущих авторов,

Л. М. Ивлева сумела убедительно показать, что ряжение XIX–XX вв. есть особый тип игры и вместе с тем специфическая форма обрядового поведения, позволяющая репрезентировать мифологическую реальность в игровой форме [Ивлева 1994, 232].

Описания обрядового комплекса зимних календарных праздников восточных славян, святочного ряженья как элемента обрядового комплекса нашли отражение в этнографических исследованиях В. А. Липинской [Липинская 1996, 170–176], Ф. Ф. Болонева [Болонев, Фурсова 2000], Е. Ф. Фурсовой [Фурсова 2002, 86–170], Г. В. Любимовой [Любимова 2004], Т. Н. Золотовой [Золотова 2002], А. В. Черных [Черных 2007]. В работе Т. Н. Золотовой прослеживается адаптивность традиционной праздничной культуры в целом в условиях современного общества [Золотова 2017]. Отдельным обрядовым практикам календарных праздников и непосредственно святочным обычаям и обрядам посвящены многочисленные публикации в научных и периодических изданиях: О. С. Щербаковой [Щербакова 1998], А. И. Аксеновой [Аксенова 2013, 2017], Л. А. Явновой [Явнова, Антонова 2021].

Экскурс в степень изученности темы праздников зимнего цикла, в частности Рождества и Нового года, позволяет говорить о структурном подходе к изучению данной проблемы. Поэтому цель данной публикации заключается в проведении сравнительного семантического анализа обычаев рождественского цикла, обрядов Нового года (на материалах Алтайского края) во второй половине XX в. и обрядовых практик начала XXI в. Интервью собирались преимущественно у потомков смешанных семей русских старожилов и переселенцев Алтая и представителей других этнических групп Алтайского края. В 1930-е гг. наступало время интенсивного смешения разных этнографических групп [Щеглова 2001, 30], последующие исторические события — раскулачивание, Великая Отечественная война, целина — отразились в проявлении разнообразных комбинаций, инвариантов традиций и обычаев празднования Рождества.

Смена исторических эпох и политических систем сопровождается сменой

социальной мифологии. Можно назвать это своеобразным созданием «нового» социального пространства со всей его символикой и атрибутикой. Праздничной культуре в манифестации ценностей социализма придавалось очень большое значение.

Календарные праздники, в которых развлекательно-игровая сторона стала доминирующей уже в конце XIX в., в период советской власти трансформировались в общественные праздники, объединившие новые и традиционные (в виде вторичных форм) праздничные элементы и включившие некоторые традиции других этносов. Самой многочисленной категорией среди «общих» праздников, благополучно перешедших в современность из советского календаря, являются праздники «космического» цикла, отмечающие конец и начало нового календарного периода, как Новый год и Рождество.

Проводя параллели и фиксируя изменения в общественном сознании социума отношения к праздникам новогоднего цикла, отметим, что в 1929 г. были отменены все церковные праздники, и Рождество Христово в том числе. А с Рождеством отменили и главный символ праздника — рождественскую ель, назвав ее «поповской». Создавая новые праздничные ритуалы, советские идеологи стремились использовать элементы традиционных календарных обрядов, как народных, так и религиозных [Душечкина 2002, 128]. Елку удерживали «в подполье» всю пятилетку, пока советские власти не придумали вернуть ее народу, сделав не рождественской, а новогодней. Пятиконечной кремлевской звездой заменили Вифлеемскую. Этот вариант был более приемлем советской идеологии. Так в народ вернулись коллективные елки для детей.

Закрепление в 1935 г. в СССР Нового года как государственного праздника было призвано вытеснить «антисоветский» обычай праздновать Рождество Христово, чем и объяснялось перенесение рождественских традиций на празднование Нового года. До революции Новый год был праздником светским и проходил в скоромное время Святки после Рождества Христова и предвещающего его Филиппова поста [Адоньева 2001, 60]. В советское время Новый год — единственная дата, которая ратифицировалась

общественным атеистическим порядком как сакральное время, время «чуда».

МАТЕРИАЛЬНАЯ АТРИБУТИКА ПРОСТРАНСТВА ПРАЗДНИКА

Подготовка к новогодним торжествам начиналась задолго до самих торжеств. В предпраздничные дни открывались елочные базары. Подарок на праздничной елке стал особым ритуалом на долгие годы. Особое место в подготовке к Новому году у советских людей занимало *украшение интерьера*. Приходилось буквально из ничего создавать украшения для елки и интерьера, что требовало немало изобретательности. Так, например, нередким в домах был дождь, свисающий с потолка. Сделать его было довольно просто: на край «дождинки» наматывали кусочек ватки. Если ее немного «обслюнявить» и бросить в потолок, она чудесным образом прилипнет к побелке на потолке. А еще очень хорошо вписывались в интерьер снежинки. Их делали из фольги или обычных салфеток. Под Новый год эти снежинки были буквально везде: на окнах, дверях, зеркалах, в воздухе (подвешенные на ниточках) и конечно же на самой елке. Новый год был самым широко освещаемым праздником в советской прессе, именно в этот день подводились итоги уходящего года, намечались планы на ближайшие годы. Обычно на первой полосе звучали поздравления с Новым годом и пожелания новых успехов в труде и жизни. В 1970-е гг. в Алтайском крае, как и по всей стране, происходила актуализация праздников народного календаря, которые трансформировались, «обогатившись новым содержанием».

ДЕДУШКА МОРОЗ

Сюжеты и состав персонажей советского Нового года можно считать устоявшимися к 1950 гг. Дети в новогоднюю ночь ложились спать слегка расстроенные, что опять не дождались настоящего Деда Мороза, а наутро, как по волшебству, под елкой появлялся *подарок*. Ранее семантически с Рождеством ассоциировались подарки. Вера в счастливое детство конструировалась сверху, но и на уровне частных практик в Деда Мороза верили и взрослые, и дети. В местной периодике огромное внимание обращалось на визуализацию образов персонажей

Ил. 1. Новый год. Дед Мороз, Снегурочка, снежинка. С. Целинное. Целинный р-н. Из семейного архива Е. М. Антоновой, 1989 г.

Fig. 1. New Year. Santa Claus, Snow Maiden, Snowflake Virgin Village, Tselinny district. Photo from the personal archive of E. M. Antonova, 1989

праздника — елки, Деда Мороза, Снегурочки, обязательно уделялось внимание поздравлениям с Новым годом [Новогоднее поздравление 1983]. Следующий текст демонстрирует предвкушение Нового года и ожидание любимых героев: *«Вот сейчас заказывают Деда Мороза со Снегурочкой, а в то время администрация закупала конфеты и на тройке ездили Дед Мороз со Снегурочкой в каждый дом, где были дети, и просто поздравляли. Это было так интересно, сейчас-то маленькие дети как волшебство воспринимают Деда Мороза. Это был где-то 1971–1972-й год. И, вот на Новой Год дня на три-четыре просто по деревне ездили наряженные тройки, детей катали. Но вот они такие наряженные, такие красивые были кони. И там обязательно сидит Дед Мороз, Емеля какой-нибудь правит этой тройкой, какой-нибудь обязательно сказочный персонаж участвует в этом, например, Петрушка, Леший и Медведь»* (Зап. от Елены Михайловны Антоновой, 1968 г.р., с. Целинное, Целинный р-н, Алтайский край. Соб.

О. В. Антонова. 2021 г.) [Архив ЛЭИ. Ф. 10. Оп. 1].

В контексте «новой» мифологии примечателен репортаж под названием «Интервью с Дедом-Морозом». Его автор Д. Смирнов рассказывает о том, как он брал интервью у Деда Мороза. Из данного интервью следует, что Род Деда Мороза существует от языческих времен. «И подарила Красное Солнышко владыке северного ветра Снегурочек — тех белоснежек, что глаз не оторвешь на новогоднем балу» [Смирнов 1974]. Здесь присутствует образ Деда Мороза как владыки холода, обязательный персонаж Снегурочка, причем это не внучка, а одна из «белоснежек» на балу. В дальнейшем они трансформировались в снежинки на новогодних утренниках (ил. 1).

Эта практика служила и продолжает служить сохранению общества в рамках той же картины мира. В данном случае прослеживается мистическая власть Деда Мороза — антихристианский миф, поддержанный Советским государством посредством введения конкретной социальной (ритуальной) практики. Советский человек вместе с родными и близкими, в темное время суток, через разделение ритуальной трапезы приобщается таинств Деда Мороза, а детей своих, почтя это своим родительским долгом, вводит в сакральный мир новогодней елки [Адоньева 2001, 62].

НОВОГОДНИЕ УТРЕННИКИ

В СССР взяли свое начало обязательные показательные выступления в детском саду и начальных классах перед родителями. Новогодние наряды на утренники каждый раз готовились с особой тщательностью. Чтобы устроить детям настоящий праздник, родителям приходилось немало фантазировать. Девочки кружились в танце снежинок, одетые в платья из медицинской марли. Мальчикам чаще всего выпадали роли зайчиков и мишек. Более изобретательные родители делали роботов, кощеев или жар-птиц, за что дети им были очень благодарны. Ведь они имели возможность в этот день побыть особенными, проявить свою индивидуальность. Также можно выявить разные категории персонажей утренников в 1970–1980-е гг. Это были зооморфные, антропоморфные существа и персонажи русских народных

Ил. 2. Детская елка. Новый год. Гуселетовская СОШ, с. Гуселетово, Романовский р-н, Алтайский край. Из семейного архива К.И. Чалик, 1986 г.

Fig. 2. Children's Tree. New Year. Guseletovskaya Secondary School. Guseletovo Village, Romanovsky district, Altai Krai. Photo from the family archive of K. I. Chalik, 1986

сказок (ил.2). Среди зооморфных самыми популярными были Лисичка и Медведь [Явнова 2021, 316].

Помимо зооморфных и антропоморфных персонажей, которые являются субъектами традиционного «ряженья», в 1950–1960-е гг. большую популярность приобретают маски, костюмы, отражающие производственные успехи в сельском хозяйстве, например, костюмы с элементами хлебных колосьев, что, на наш взгляд, является отсылкой к сельскохозяйственным

культам и культу предков, в частности мотив зерна. «Широко в селах шили костюмы, отражающие идею достижений сельского хозяйства, тему производства, например, мне шили мама костюм “Урожай” с короной в виде колосков хлеба или “Пятилетка”» (Зап. от Ольги Семеновны Чернышовой, 1966 г.р. (урожд. с. Николаевка, Петропавловский р-н, Алтайский край), г. Бийск. 2021 г.) [ПМА 2021].

Кардинальные изменения ряженья на новогодние утренники произошли уже в начале 2000-х гг. Стали массово выпускаться различные новогодние костюмы. Расширился и сам ассортимент новогодних персонажей, вследствие развития мультипликации можно наблюдать уже и зарубежных героев мультфильмов. В городской среде в начале 2000-х гг. новогодние утренники проводились как увеселительные мероприятия. Костюмы детей очень разнообразны, но девочки в большинстве своем мечтают стать принцессами, а мальчики — героями (ил. 3).

Ил. 3. Новогодний утренник Средней образовательной школе № 1, г. Бийск. Из семейного архива Е.О. Поповой, 2005 г.

Fig. 3. New Year's Party at the Secondary School No. 1. Bysk. Photo from the family archive of E. O. Popova, 2005

НОВЫЙ ГОД — СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК

Граждане Советского Союза с особым трепетом относились к празднику Нового года. Новый год было принято отмечать

не только дома, но и на работе и в пространстве сельского клуба, где была торжественная часть с награждениями тех, кто показал достижения в труде (ил. 4).

«Шили костюмы, наряжались, кто Цыганкой, кто Бабой Ягой» (ил. 5) (Зап. от Зои Семеновны Пучковой, 1952 г.р., г. Бийск, Алтайский край. Соб. М. О. Монченко. 2021 г.) [Архив ЛЭИ. Ф. 10. Оп. 8]; «В клубе была большая наряженная елка, основной праздник для сельчан проходил там. Приходили туда наряженные: кто костюмы придумает интересные, кто просто нарядную одежду наденет, мужики снегурками наряжались и приходили. После дискотеки, где-то в 23:50, все шло по домам, собирались семьями и ждали поздравительного обращения по телевизору. Мы с семьей продолжали отмечать праздник дома. Когда постаршие стали, сидели у одноклассницы дома молодежью, родители — своей компанией. Допоздна мы не праздновали и много не пили» (Зап. от Надежды Тимофеевны Монченко, 1966 г.р. (урож. с. Сибирячиха, Солонешенский р-н, Алтайский край), г. Бийск, Соб. М. О. Монченко. 2021 г.) [Архив ЛЭИ. Ф. 10. Оп. 8].

ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Политически отношение к Рождеству менялось на протяжении всего XX в. «Рождество, как таковое, мы не справляем, просто знаем, что это праздник есть, а вот мои родители, мама мне рассказывала, что они на Рождество интересные всякие проводили, можно сказать, обряды, даже гадания всякие проводились» (Зап. от Людмилы Викторовны Шиловой, 1953 г.р., г. Бийск. 2021 г.) [ПМА 2021]. Сценарий святочных гаданий на протяжении XX — начале XXI в. включал как традиционные атрибуты, так и новые элементы, например вызов духа литературных героев. Традиционным вариантом гаданий было гадание на жениха, что имело, безусловно, смысл продуцирующей магии. Но парадоксальным образом в культурных текстах — интервью потомков русских старожилов и переселенцев — сохранилось множество архаичных элементов и воззрений. Для сравнения приведем несколько интервью в разных поколенческих группах. «Ворожба под Рождество. Воды с речки набрать (молчком), скатёрку расстелить, золы насыпать в блюдо, стакан с водой и тут

Ил. 4. Новый год. Дом мод, г. Бийск. Из семейного архива Н. Т. Монченко, 1986 г.

Fig. 4. New Year. Fashion House. Biysk. Photo from the family archive of N. T. Monchenko, 1986

Ил. 5. Новый год. Общежитие, г. Бийск. Из семейного архива Н. Т. Монченко, 1988 г.

Fig. 5. New Year. Hostelю Biysk Photo from the family archive of N. T. Monchenko, 1988

же зеркало ставить и тут же смотришь в зеркало через стакан. Нужно, чтобы волосы были распушены и крест нательный снят: «С кем век вековать, того и увидеть». В избе гадали» (Зап. от Марии Моисеевны Шинкаренко, 1919 г.р. (дед урож. Украины), с. Овсянниково, Целинный р-н, Алтайский край. 2002 г.) [ПМА 2002]; «Гадали. Ой, ну, да, конечно. Собирались девчонки: родители у кого-нибудь, а мы вот у себя. Какой-то плакат рисовали,

каких-то духов вызывали. Помню, подружка моя... кто-то ей рассказал, что если бросить через дом валенок, и в какую сторону он будет смотреть, то оттуда жених придет. Ну, тогда там надо было и зеркала класть под подушки, расчески» (Зап. от Е. М. Антоновой, 1968 г.р., см. выше); «На кофе гадали, на гуще: опрокидывали в блюде остатки гущи, ну и какие там фигурки появлялись, в зависимости от этого предсказывали как бы судьбу. Вот гадали еще: заносили в дом петушка, рассыпали крупу, ставили водичку, и вот то, что первый петушок начнет делать, например, если крупу начинал клевать, то значит, будет едок в доме жених, а если водичку пить, то пиво будет. Вот, ну а что еще... в зеркало смотрели, гадали через плечо, клали под подушку гребень, чтобы ну, гребешки, расчески, расческу кладеши — и вот загадываешь, чтобы пришел к тебе суженый» (Зап. от Людмилы Викторовны Шиловой, 1953 г.р., г. Бийск. 2021 г.) [ПМА 2021]. В контексте праздника, особенно в его ритуальных моментах, всё преобразуется, любая утилитарность оборачивается культурой: каждое действие, слово, предмет, часть пространства приобретают второй смысл, резко отличный от обычного. Иными становятся и правила их сочетания, и принципы их использования [Байбурин 1993, 146].

В 1960-е гг. окончательно складывается календарная ритуальная практика внецерковного поминания А. С. Пушкина. В гадательную практику оказались посвящены информанты в возрасте до 55 лет (послевоенное поколение и младше). Ограничимся примером, дающим представление о технике вызывания и о мотивах: «Мне вот запомнилось, как мы плакаты рисовали и духов вызывали. Почему-то Пушкина: как-то ему доверяли больше. Мы все вызывали Пушкина, чтобы он сказал, как жениха будут звать. То ли получалось, что он лучше других приходил... Колечком золотым там водили над буквами, ну, развлекались» (Зап. от Е. М. Антоновой, 1968 г.р., см. выше). Опыт вызывания духов, и в первую очередь духа Пушкина, информанты наследовали в основном от своих родителей, последние же чаще всего получали из жизни в пионерских лагерях [Адоньева 2001, 68].

Святки. Игровые практики. Традиция святочного ряженья претерпела

значительные изменения в советский период и была воспринята как игра. На Алтае сохранились весьма архаичные варианты игровых практик: «На Святки у нас, интересно, в соседях жила Антонина Павловна Костина. Вот они на Святки ходили, приходили по соседям, колядовали, они интересно наряжались в шубы, выворачивали их наизнанку, тулупчики такие были раньше, наизнанку выворачивали, и значит, шапки такие одевали, что даже их не узнать, что женщина или мужчина пришли. Они там всякие слова говорили, но я уже не помню эти слова, даже какие-то песенки пели. После этого мы должны были, ну, что-то дать. Ну, то, что съестное вот было: запеченные там шанюшки, всякие прянички, конфеточки, даже денежки давали. Вот это мне запомнилось: они так хорошо это проводили, и каждый год они ходили на это» (Зап. от Людмилы Викторовны Шиловой, 1953 г.р., г. Бийск. 2021 г.) [ПМА 2021].

Также неотъемлемой частью Святков является ряжение в животных. «Медведь мог танцевать, одевался парень, который мог играть на гармошке. Делали для них маски, вырезали из кожи там чего-то. А если масок не было, то углем рисовывали, ну главное, чтобы до неузнаваемости всё было, но это уже, конечно, молодежь делала» (Зап. от Татьяны Григорьевны Беликовой, 1966 г.р., с. Солонешное, Солонешенский р-н, Алтайский край. 2012 г.) [ПМА 2012]. В процессе ряженья индивидуальные черты человека как бы исчезали, а появлялось другое, мифологическое, существо — «старик», «старуха», «медведь», «конь», «цыганка». Сегодня информанты не могут объяснить сакральную семантику святочных действий, но традиция оставаться неузнанным в момент ряженья сохраняется, хоть и в трансформированном виде. Если в древней традиции ряженья прослеживались языческие корни и Церковь обличала эту народную забаву, так как сохранялась память о связи персонажей с магией плодородия, то в современной традиции подобной основы нет. Так, играющий с детьми Мишка связан уже не с архаическим образом медведя [Болонев, Фурсова 2000, 86], а с рядом сказочных и мультипликационных персонажей.

Для ряженья, особенно святочного, были свойственны две формы: обходная

и посиделочная. В первом случае ряженые обходили все дома своей деревни, а нередко и соседних селений, где за свою игру, пение и пляски получали угощение и дары, состоящие из еды и денег. Обходный ритуал совершался, как правило, накануне Рождества или Нового года, и одной из основных целей его участников был сбор съестного и гостинцев на период Святков: *«Мужики бабой рядились, веник банный вместо букета. Шубу выворачивали на Святки, взрослые посеваля: “Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю. Хоть копейку, хоть пятак, я не выйду с хаты так”»* (Зап. от Анны Яковлевны Дергальцевой, 1918 г.р., сибирячки, с. Бочкари, Целинный р-н, Алтайский край. 2004 г.) [ПМА 2004]. *«В Святки первым мужчина должен прийти в дом в праздник, так положено»* (Зап. от Анны Григорьевны Редько, 1929 г.р., с. Овсянниково, Целинный р-н, Алтайский край (родители из украинских переселенцев Сумской обл.). 2004 г.) [ПМА 2004]. Так, в частности, А. И. Аксенова, исследуя обычаи Рождества на Алтае, приходит к выводу, что святочная традиция прерывалась в годы советской власти. Это говорит об упрощении песенной традиции, исчезновении смысловой основы ряженья [Аксенова 2013].

Подробные описания ряженья не ограничиваются просто набором персонажей, но выявляют и типичные их комбинации: *«слоняются группами... по всему селу... из конца в конец»* [Ивлева 1998, 109]. *«В настоящее время молодежь собирается компаниями, наряжаются и ходят в гости к знакомым колядовать, поют колядки: “Коляда, Коляда, отворяй-ка ворота. Пришла Коляда накануне Рождества, с пышками, с лепешками, со свиными ножками. Коляда, Коляда, подай пирога! Подай, не ломай, а по целому дай. Кто даст пирога — тому скот, живота, кто не даст пирога — уведем корову за рога”*. Никакого особенного значения этому действию не придают. Это просто веселое времяпровождение» (Зап. от Тамары Александровны Ревякиной, 1956 г.р., г. Бийск. 2005 г.) [ПМА 2005]. Сравнительные материалы И. Ю. Аксеновой, записанные в Шипуновском р-не Алтайского края, подтверждают состоятельность данной традиции у русского населения края. Приведенные данные свидетельствуют, что преемственность вечернего колядования

сохранилась, а вот «посевания» перестали исполняться утром [Аксенова 2013, 392–393].

Продолжительность и всенародный характер празднования требовали от всех активного участия в общем веселье. Праздничное поведение предусматривало прием и хождение в гости, обильную еду и питье, совместное исполнение песен, коллективные игры и развлечения: *«Рождество — это не Новый год. В Советском Союзе церковные праздники тогда не отмечались так открыто. Но все люди праздновали. С Рождеством поздравляли друг друга. Оно вот ничего не изменилось. Молодежь, конечно, и наряжались, и по домам ходили или колядовали. Кто-нибудь да приходил, либо взрослые к взрослым, к родителям. Взрослые ходили только колядовать и выпить. И вот они сначала друг дружку поздравляли, потом толпой еще к кому-нибудь шли. И детям такая была радость, что конфет дадут, печенюшку там какую-нибудь и кто больше наберет. И почему-то в мешках носили. Ну и, естественно, ходили там друзья-товарищи»* (Зап. от Е. М. Антоновой, 1968 г.р., см. выше).

По нашим исследованиям и наблюдениям в советское время консервация традиции рождественских гуляний прослеживается у потомков русских старожилов, особенно у старообрядцев юго-восточных районов Алтайского края, в частности Солонешенского района. Возможно, это связано с эндогамностью проживания данных групп, а также в семьях украинских переселенцев (Целинный р-н) из Полтавской и Сумской областей. Например, бытуют инварианты гаданий, ряженья, но лишённые первоначальной сакральности. В культурном отношении знаковый арсенал праздника постоянно пополняется; игры и развлечения с использованием элементов природы придают им характер символа, наполняют мистическим, но вместе с тем и эстетическим значением; создается традиция, и она в свою очередь становится ценным достоянием, которое группа хранит, культивирует и передает последующему поколению [Бахтин 1965, 229].

Религиозный подтекст рождественских обрядов и обычаев во многом был заменен игровым, с этим можно согласиться, но консервация в исторической

памяти была способна адаптировать глубоко религиозные смыслы как варианты для сценария торжеств уже в начале XXI в.: «Накануне Рождества с утра иду к половине девятого на службу в церковь на Рождественскую литургию (литургия — служба Богу). Литургия продолжается до половины первого. После службы можно идти домой, разговляться, принимать скоромную пищу. Перед тем как садимся за стол, поём или читаем молитву “Христе Боже наш, воссия мира свет разумам...”. Разговляемся творогом с молоком, кутьей (рис с изюмом, сахаром или с медом) — так заведено в православии. Когда разговляемся, встречаем Рождество Христово, приглашаем близких: детей, внуков. Покушали — и отдыхать. Три дня отдыхаем, делать ничего нельзя. Все три дня горят свечи и лампада. Свечи зажигаем в честь праздника, торжества. В эти три дня каждый день посещаем храм. А потом в работу включаемся» (Зап. от Андрея Ивановича Сантагина, 1950 г.р., г. Бийск. 2006 г.) [ПМА 2006].

Итак, события обрядов рождественского цикла и Нового года праздновались в трех измерениях. Собирались и отмечали праздник дома (демонстрируя сплоченные семьи, рода, подчеркивая родство по крови), обязательно в церкви (родство по вере, приобщение к серьезной и высокой духовности), на площади (единение социума, легализация и высвобождение естественного, природного в человеке). Как видим, все три части направлены на осуществление древнейшей философии праздника — объединение в общем устремлении, преобразование себя и мира, приобщение к непреходящим ценностям.

Таким образом, праздники Рождества и Нового года были одним из главных источников творчества, двигателем развития культуры. Разновременные материалы позволяют сделать некоторые заключения о тенденциях развития традиций празднования Рождества и Нового года. Современное понимание праздника ассоциируется чаще всего с досугом, игрой, торжеством, а также и весельем. Событийный ряд сценария Рождества и Нового года выстраивается согласно обрядам и ритуалам.

С конца 1980-х гг. происходит усиление интереса к народным традициям, аутентичности. По сравнению с 1960–1980 гг.

рождественские праздники на современном этапе больше приблизились к исконной традиции. Зачастую в 1990-е — начале 2000-х гг. празднование Рождества Христова было подвержено своеобразной «моде» на все христианское, постепенно же осуществлялся поиск связующих звеньев между традицией и современным культурным контекстом.

В ходе модернизации традиционные праздники Рождества и Нового года претерпели существенные изменения, адаптировались к меняющемуся социокультурному контексту, при этом изменения коснулись семиотических смыслов, фактически утратила значение привязка к хозяйственным практикам, почти нивелированы магические составляющие. Но символические коды, связанные с утверждением радости и творчества, остаются понятными вне зависимости от времени. Можно отметить, что в постсоветское время традиционные праздники Нового года не так явно инициированы властью, как это было ранее. При этом «приватизация» праздничной атмосферы через поздравления на государственном уровне отражает ту же легитимность практики мифологизации, продолжая советскую традицию. Священное профанируется стремлением власти использовать праздники Рождества и Нового года для нужд общегосударственной идентичности, определенной сверху. Главными персонажами Нового года с позиций «новой» советской эстетики были Дед Мороз и Снегурочка, однако сохранялись традиционные персонажи ряженья, характерные для святочного цикла: «нечистая сила», «цыганки», «медведь». Устные источники и местная периодическая печать 1970–1980-х гг. передают атмосферу зимних торжеств с обязательными атрибутами: украшенная елка, русская тройка, герои русских сказок.

Со временем некоторые элементы рождественских праздников утратили первоначальный смысл и приобрели светский характер. Игра и забава, сопутствующие им, как правило, не превращаются в центральный элемент, придающий смысл празднику. В забавной, комической, сатирической форме, также часто берущей начало в культе, выражаются идеи праздника, важные для сообщества. Игра, состязание имеют, наконец, цель придать

блеск праздничному дню, сделать его привлекательным, сообщить участникам состояние радостного возбуждения. В то же время превращение праздника лишь в фольклорное зрелище может быть связано с утратой его смысла в общественном сознании.

Таким образом, сопоставляя традиционную и современную модели праздников Рождества и Нового года, можно заметить десакрализацию, поиск новых смыслов и превращение праздников в массовое зрелище. В начале XXI в. происходит усиление интереса к народным традициям. Участвуя в праздничных мероприятиях,

молодежь постепенно начинает интересоваться своими традициями, празднично-обрядовой культурой, хранившейся до сих пор в памяти жителей старшего поколения. В течение второй половины XX в. менялось содержание, появлялась новая символика, трансформировались визуально-пространственные каноны. Но его символические коды, связанные с утверждением радости и творчества, остаются понятными вне зависимости от изменения контекста. Единство общества определяется общностью святынь и тех мистических переживаний, которые признаются всеми.

Источники и материалы

Архив ЛЭИ — Архив Лаборатории этнокультурных исследований Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина.

Новогоднее поздравление 1983 — Новогоднее поздравление советскому народу // Бийский рабочий. 1983. № 2 (4 января). Л. 1.

ПМА — Полевые материалы автора.

Смирнов 1974 — Смирнов Д. Интервью с Дедом-Морозом // Восток Алтая. 1974. № 1 (4054). Л. 2.

Исследования

Адоньева 2001 — Адоньева С. Б. Категория настоящего времени: (антропологические очерки). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

Аксенова 2013 — Аксенова И. Ю. Святочные обходы домов потомков переселенцев в Алтайском крае в середине XX — начале XXI века (традиции и новации) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 392–395.

Аксенова 2017 — Аксенова И. Ю. Обычаи Рождества и Нового года у старожилов и южнорусских переселенцев на Алтае в середине XX века (по материалам этнографических экспедиций 2012–2016 годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 3. С. 117–126.

Байбурун 1993 — Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Бахтин 1965 — Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965.

Болонев, Фурсова 2000 — Болонев Ф. Ф., Фурсова Е. Ф. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири в прошлом и настоящем // На-

роды Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 84–89.

Виноградова — Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.

Душечкина 2002 — Душечкина Е. В. Русская елка: История. Мифология. Литература. СПб.: Норинт: ГИПК Лениздат, 2002.

Жигульский 1985 — Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога / Вступ. ст. А. И. Арнольдова. М.: Прогресс, 1985.

Золотова 2002 — Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). Омск: Издатель-Полиграфист, 2002.

Золотова 2002 — Золотова Т. Н. Традиционный праздничный календарь восточнославянского населения Зауралья и Западной Сибири: Науч.-попул. изд. М.: Ин-т наследия, 2017.

Ивлева 1994 — Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб.: Рос. ин-т истории искусства, 1994.

Ивлева 1998 — Ивлева Л. М. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

Липинская 1996 — Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М.: Наука, 1996.

Любимова 2004 — Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004.

Маркарян 1983 — Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983.

Пропп 1963 — Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963.

Толстой 1995 — Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Фурсова 2002 — Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). Новосибирск: Агро, 2002.

Фурсова 2011 — Фурсова Е. Ф. Традиционализм и неотрадиционализм в современной культуре восточнославянских народов Сибири // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. науч. ст. Вып. 14. М.: ГРДНТ, 2011. С. 407–416.

Черных — Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX–XX вв. Ч. II. Зима. Пермь: Пушка, 2007.

Чистов 1986, — Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986.

Чичеров 1957 — Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря. XIV–XIX вв. М.: ТИЭ, 1957.

Шангина, Некрылова 2015 — Шангина И. И., Некрылова А. Ф. Русские праздники. СПб.: Азбука, 2015.

Щеглова 2001 — Щеглова Т. К. «Народная этнография»: представление об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. науч.-практ. конф. / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 2001. Вып. 4. С. 35–44.

Щербакова 1998 — Щербакова О. С. Зимний цикл празднично-обрядового обхода дворов (по материалам фольклорных экспедиций) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1998. С. 155–158.

Явнова, Антонова 2021 — Явнова Л. А., Антонова О. В. Новогодние карнавалы по материалам визуальных и устных источников последней четверти XX — начала XXI в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2020–2021 гг.: Сб. науч. тр. / Под ред. Т. К. Щегловой, М. А. Демина и др. Барнаул: АлтГПУ, 2021. Вып. 16. С. 314–320.

© Л. А. Явнова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Явнова Л. А. <https://orcid.org/0000-0003-2477-4759>

Кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина: Российская Федерация, 659333, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, д. 53; тел.: +7 (3854) 41-64-56; e-mail: lar.javnova@yandex.ru

Reflections of Traditional Christmas and New Years Calendar Rituals in the Second Half of the Twentieth — Early Twenty-First Centuries: Traditions and Innovations (Based on Material from the Altai Territory)

Larisa A. Yavnova

(Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy:
53, Vladimir Korolenko str., Biysk, 659333, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to the traditional and modern aspects of Christmas and New Years calendar rituals as manifested in current practice. To this day, calendar rites have preserved many of their most ancient elements at all levels, verbal and applied. The article attempts a comparative semantic analysis of the old and new customs of the Christmas cycle and New Year rites in the second half of the twentieth and the beginning of the twenty-first century, as practiced mainly by descendants of Russian old-timers and settlers of Altai. It is based on interviews with different generations of Russians of Altai, with special attention paid to the plots and characters of Soviet mythology, to “Father Frost” in particular. It correlates traditional and new ritual attributes embodied in playful visual-spatial texts, i.e., Yuletide rituals and customs, including mummering (dress-up). The use of field materials collected in the villages of the Altai

Territory and the city of Biysk, as well as information from periodicals, makes it possible to conduct historical and comparative analysis, determine the degree of adaptability of traditional ritual practices in the context of Soviet mythology, and to characterize new elements that appeared at the beginning of the twenty-first century. Further study of the semantic level of the holidays of the winter cycle will reveal cultural relationships, general trends, and local ethno-cultural manifestations of Christmas and New Year traditions among the different ethnic groups of the Altai Territory and will make it possible to understand the entire holiday cycle in a systematic way.

Key words: holiday, festive culture, calendar rituals and customs, Christmas and New Year, Altai Territory, traditions, innovations.

Received: September 11, 2023.

Date of publication: November 25, 2023.

For citation: Yavnova L. A. Reflections of Traditional Christmas and New Years Calendar Rituals in the Second Half of the Twentieth– Early Twenty-First Centuries: Traditions and Innovations (Based on Material from the Altai Territory). *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 24. Pp. 60–72. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.005>

References

Adon'eva S. B. (2001) Kategoriya nenastoyashchego vremeni: (antropologicheskie ocherki) [The Category of Non-Present Tense: (Anthropological Essays)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. In Russian.

Aksenova I. Yu. (2013) Svyatochnye obkhody domov potomkov pereselentsev v Altaiskom krae v seredine XX — nachale XXI veka (traditsii i novatsii) [Yuletide Visit to the Houses of the Descendants of Settlers in the Altai Territory in the Mid-Twentieth — Early Twenty-First Centuries (Traditions and Innovations)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. 2013. Vol. 19. Pp. 392–395. In Russian.

Aksenova I. Yu. (2017) Obychai Rozhdestva i Novogo goda u starozhilov i yuzhnorusskikh pereselentsev na Altae v seredine XX veka (po materialam etnograficheskikh ekspeditsii 2012–2016 godov) [Customs of Christmas and New Years Among Old-Timers and South Russian Settlers in Altai in the Middle of the Twentieth Century (Based on Ethnographic Expeditions of 2012–2016)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2017. Vol. 16. No. 3. Pp. 117–126. In Russian.

Bakhtin A. K. (1983) Ritual v traditsionnoi kul'ture: Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavyskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka. In Russian.

Bakhtin M. M. (1965) Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renaissance [The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit. In Russian.

Bolonev F. F., Fursova E. F. (2000) Kul't medvedya v verovaniyakh krest'yan Sibiri v proshlom

i nastoyashchem [The Cult of the Bear in the Beliefs of the Peasants of Siberia in the Past and Present]. In: *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [The Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in the Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk: IAET SO RAN. Pp. 84–89. In Russian.

Chernykh A. V. (2007) Russkii narodnyi kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady kontsa XIX–XX vv. Ch. II. Zima [The Russian Folk Calendar in the Kama Region. Holidays and Rituals of the late Nineteenth and Twentieth Centuries. Part II. Winter]. Perm': Izd-vo Pushka. 2007. In Russian.

Chicherov V. I. (1957) Zimnii period russkogo zemledel'cheskogo kalendarya. XIV–XIX vv. [The Winter Period of the Russian Agricultural Calendar, Fourteenth — Nineteenth Centuries]. Moscow: TIE. In Russian.

Chistov K. V. (1986) Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii [Folk Traditions and Folklore: Essays on Theory]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Dushechkina E. V. (2002) Russkaya elka: Istoriya. Mifologiya. Literatura [The Russian Christmas Tree: History. Mythology. Literature]. St. Petersburg: Norint: GIPK Lenizdat. In Russian.

Fursova E. F. (2002) Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavyskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (konets XIX–XX vv.) [Calendar Customs and Rituals of the East Slavic Peoples of the Novosibirsk Region as a Result of Interethnic Interaction (End of the Nineteenth and Twentieth Centuries)]. Novosibirsk: AgrO. In Russian.

Fursova E. F. (2011) Traditsionalizm i neotraditsionalizm v sovremennoi kul'ture vostochnoslavyskikh narodov Sibiri [Traditionalism and Neotraditionalism in the Modern Culture of the East Slavic People of Siberia] In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir: Sb. nauch. st.* [Slavic Traditional Culture and the Modern

World: A Collection of Scholarly Articles.]. Comp. by V. E. Dobrovol'skaya, A. B. Ippolitova. Vol. 14. Pp. 407–416. In Russian.

Ivleva L. M. (1994) Ryazhenē v russkoi traditsionnoi kul'turu [Mumming in Russian Traditional Culture]. St. Petersburg: Rossiiskii institut istorii iskusstva. In Russian.

Ivleva L. M. (1998) Doteatral'no-igrovoi yazyk russkogo fol'klora [The Pretheatrical Play Language of Russian Folklore]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. In Russian.

Lipinskaya V. A. (1996) Starozhily i pereselentsy: Russkie na Altae. XVIII — nachalo XX veka [Old-Timers and Settlers: Russians in Altai. Eighteenth — Early Twentieth Century]. Moscow: Nauka. In Russian.

Lyubimova G. V. (2004) Vozrastnoi simbolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniya Sibiri. XIX — nachalo XX v [Age Symbolism in the Culture of the Calendar Holiday of the Russian Population of Siberia. Nineteenth — Early Twentieth Centuries]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. In Russian.

Markaryan E. S. (1983) Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka [Cultural Theory and Modern Science]. Moscow: Mysl'. In Russian.

Propp V. Ya (1963) Russkie agrarnye prazdniki: opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya [Russian Agricultural Holidays: An Essay in Historical and Ethnographic Research]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. In Russian.

Shangina I. I., Nekrylova A. F. (2015) Russkie prazdniki [Russian Holidays]. St. Petersburg: Azbuka. In Russian.

Shcheglova T. K. (2001) "Narodnaya etnografiya": predstavlenie ob etnokul'turnykh i etnosotsial'nykh gruppakh v sovremennoi derevenskoi srede ["Folk Ethnography": The Idea of Ethno-Cultural and Ethno-Social Groups in the Modern Rural Environment]. In: Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Ed. by M. A. Demina, T. K. Shcheglova. Vol. 4. Pp. 35–44. In Russian.

Shcherbakova O. S. (1998) Zimmii tsikl prazdnichno-obryadovogo obkhoda dvorov (po mate-

rialam fol'klornykh ekspeditsii) [The Winter Cycle of Festive and Ritual Visits (Based on Folklore Expeditions)]. In: Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Pp. 155–158. In Russian.

Tolstoi N. I. (1995) Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistiki [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. In Russian.

Vinogradova L. N. (2000) Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan [Folk Demonology and the Mythological-Ritual Tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik. In Russian.

Yavnova L. A., Antonova O. V. (2021) Novogodnie karnavaly po materialam vizual'nykh i ustnykh istochnikov poslednei chetverti XX — nachala XXI v. [New Years Carnivals Based on Visual and Oral Sources of the Last Quarter of the Twentieth — Early Twenty-First Centuries]. In: Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeeyedenie) [Field Research in the Upper Ob, Irtysh and Altai (Archeology, Ethnography, Oral History and Museology)]. Ed. by T. K. Shcheglova, M. A. Demina. Vol. 16. Pp. 314–320. In Russian.

Zhigul'skii K. (1995) Prazdnik i kul'tura. Prazdniki starye i novye. Razmyshleniya sotsiologa [Holiday and Culture. Holidays Old and New. Reflections of a Sociologist]. Moscow: Progress. In Russian.

Zolotova T. N. (2002) Russkie kalendarnye prazdniki v Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX v.) [Russian Calendar Holidays in Western Siberia (Late Nineteenth — Twentieth Centuries)]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. In Russian.

Zolotova T. N. (2017) Traditsionnyi prazdnichnyi kalendary vostochnoslavyanskogo naseleniya Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri: nauchno-populyarnoe izdanie [The Traditional Holiday Calendar of the East Slavic Population of the Trans-Urals and Western Siberia: A Popular Scholarly Publication]. Moscow: Institut naslediya. In Russian.

© L. A. Yavnova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Larisa A. Yavnova <https://orcid.org/0000-0003-2477-4759>

E-mail: lar.javnova@yandex.ru

Tel.: +7 (3854) 41-64-56

53, Vladimir Korolenko str., Biysk, 659333, Russian Federation

PhD in History, Associate Professor, Department of Historical-Legal and Social-Humanitarian Disciplines, Altai State Humanitarian-Pedagogical University named after V. M. Shukshin

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)